

гончарова

татьяна

РЫЦАРЬ ВЕРЫ

повесть

Татьяна Гончарова

Рыцарь веры

«Автор»

2023

Гончарова Т.

Рыцарь веры / Т. Гончарова — «Автор», 2023

Ничем не примечательный паренек уходит в армию. Что ждет его в пореформенной России начала 1990-х? Выживший в новогоднем штурме Грозного, Федя Горкин не раз погибал и воскресал. Он вернулся домой цел и невредим, но разучился жить. Неизвестно, что бы с ним стало, если бы встреча с неказистым монахом. Этот старичок, непонятны, смешной и нелепый, вскоре стал единственным жизненным ориентиром для Феди. И Федя наконец видит свой путь.

Содержание

Вместо вступления	6
Глава 1. Есть такое слово – Родина	8
Глава 2. За холмами порубежными	13
Глава 3. С Новым годом!	15
Глава 4. Нос к носу с судьбой	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Татьяна Гончарова

Рыцарь веры

Люди объезжают кругом весь свет, чтобы увидеть разные реки, горы, новые звезды, редких птиц, уродливых рыб, нелепые расы существ... Но знай я, где найти рыцаря веры, я бы пешком пошел за ним хоть на край света.

Кьеркегор

Вместо вступления

Бесполезно скрывать и лучше сразу сознаться. Да, мало в нашем городе культурных достопримечательностей. Что вы хотите – Центральное Черноземье. Тула и Рязань севернее. Воронеж южнее. Волга и все, что на ней есть легендарного и привольного, это совсем далеко к востоку. Правда, от нас рукой подать до Дона... но даже Дон в наших краях протекает в виде мелкой, мутной и совершенно непопулярной речонки. Откуда тут взяться достопримечательностям?

Наши прадеды сеяли пшеницу, наши деды – то же самое, а еще свеклу и картошку, наши отцы – все это вместе, а еще варят сталь. И здорово варят! За эту сталь советское государство в свое время подарило нашему городу целую область. Стали мы областным центром и, надо признать, несколько заважничали. Когда же это государство приказало долго жить, мы тоже горевать не стали. С нашей-то сталью без советского государства не прожить!

И прожили. Вот только культурных достопримечательностей так себе и не завели.

Зато все остальное имеется.

Есть, например, университет.

Здесь сразу нужно оговориться, что речь идет про времена, теперь почти доисторические. Тогда советское образование ускоренными темпами отмирало, а образование российское не спешило рождаться. Переход из школьников в студенты тогда еще не был оборудован современными удобствами вроде ЕГЭ, подготовительных курсов и всего прочего. Вместо всего этого имелось одно-единственное, зато очень действенное средство – репетитор.

Репетитором может быть школьный учитель, но лучше университетский. Быть репетитором – дело ответственное и сложное, оно по плечу далеко не каждому преподавателю, и оттого репетитор окружен почетом. Можно знать свой предмет назубок, или быть прирожденным педагогом, но – не быть репетитором. Чтобы стать им, нужно иметь неписаную, в чём-то даже мистическую, но понятную для родителей учеников репутацию. Эта репутация должна витать вокруг репетитора, и по ней должно быть ясно видно, сколько прежних его учеников поступило в вузы, а сколько не поступило.

Федя Горкин остался вообще без репетиторов. Случилось это потому, что он происходил из семьи, которая отличалась некоторыми особенностями.

Родители его негласно считались несчастной парой. Отец был совершенно обычным инженером на заводе. Никакими заметными недостатками он не выделялся, но почему-то пользовался у своей и особенно у жениной родни репутацией бестолочи. На него смотрели, как на нечто чужеродное и непутевое, а маленького Федю двоюродные братики и сестренки дразнили в детстве, что у него «папа-турка». Предубеждение это было тем страннее, что совершенно не выказывалось в отношениях, никогда не вело к ссорам. Федин папа отлично общался со своими зятями, а их жены совершенно искренне хвалили его за любезность и обходительность. И тем более непонятно, откуда такое отношение взялось. Федин отец пил ничуть не меньше и не больше, чем прочая родня. Зарабатывал примерно столько же. Зарплату домой приносил. Полку прибить мог, кран в ванной починить тоже мог. Ничем он вроде бы и не выделялся из родни. Особенного в нем только и было, что работал он, как и его жена, инженером, и, следовательно, имел высшее образование. И еще – в отличие от жены – был совершенно непригоден к прополке картошки.

Федина мама была добрым и отзывчивым, но не очень общительным человеком. Почти все самые близкие её подруги приходились ей родными сестрами. Мужа своего она очень любила и уважала. Федю считала на редкость способным и удачливым пареньком. Но с годами стала расти в ней какая-то подсознательная досада, какое-то подозрение, что жизнь к ней не совсем справедлива. Трудно сказать, было ли это так или нет, но она все меньше общалась

с людьми, реже обращалась к ним с просьбами, и крепко в ней убеждение, что сыну своему она тоже пробиться в жизни никак не поможет. Она не искала для него репетиторов, упорно повторяя, что подготовиться он способен и сам, а на взятки у нее денег нет.

Федя внешне очень был похож на свою маму. Когда она была молода, немногие ее подруги старались внушить ей, что у нее классическая, редкая красота. Действительно, ее огромные, почти навывкате глаза под высокими округлыми бровями, худое лицо, прямой нос могли показаться ее курносым подругам чем-то изысканным и старинным. Однако прослыть красавицей Фединой маме помешало недовольство своей фигурой – по ее мнению, излишне тощей. Она никак не могла поверить, что ее подруги действительно разглядели в ней какую-то там красоту, а не выдумали все это в утешение избалованной судьбой худышке.

Не сумев разглядеть в себе очарования, Федина мама не смогла и передать его сыну. Он унаследовал ее черты, но до чего же комично легли они на мальчишеское, прыщеватое лицо! Вдобавок глаза у Феде были не бархатно-карие, как у мамы, а папины, бледно-зеленые. И от отца же Феде достались отвратительные зубы, которые пришлось пломбировать сразу же, как только они толком прорезались.

Сам Федя ничуть не страдал от своей внешности, точнее – не интересовался ею. Его жизнь и без того была содержательна, потому что был он природный, прирожденный оптимист. Ему выпало повзрослеть в те времена, когда все люди вокруг них единодушно рассудили, что прежняя, благонадежная, советская жизнь порушена безвозвратно. Взрослые с возмущением или брезгливой апатией наблюдали, как у них из рук уплывает то, что они считали своим, как умирает вечное, как рушится незыблемое. Их сверстники быстро, незаметно и неузнаваемо шалели. А Федя, глядя на все это, твердо верил, что впереди все будет хорошо – наперекор всему.

Именно в таком настроении вошел он однажды июльским утром в наш университет, нашел списки поступивших и узнал, что он провалился.

Федина мама была в шоке от того, что ее сын не смог поступить в вуз. Ее давнее ощущение, что у нее за спиной стоит какое-то смутное невезение, наконец-то получило подтверждение. И – беда ведь, как известно, не приходит одна – ей предстояло еще одно испытание. Ее муж даже не огорчился как следует. Это мучило ее сильнее всего – сильнее, чем смутное ощущение ее собственной вины перед сыном. Мама винила себя и за то, что он учился и не в той школе, и не у тех учителей, и не тем предметам, и за то, что у него не было репетиторов, и за то, что она не пошла с ним на зачисление. За то, что слишком сильно верила в него. За то, что он не поступил в институт, в то время как другие поступают.

Впрочем, ничего этого Федина мама не говорила вслух. Она была весела и ровна с сыном. Спокойно получила повестку из военкомата и спокойно проводила Федю служить.

Все теперь было как полагается.

И только когда Федя уехал, она стала потихоньку плакать, когда ее никто не видел, и изредка сгоряча ругала сына бестолочью.

Глава 1. Есть такое слово – Родина

Воинская часть, куда Федю послали служить, во многом была замечательной.

Кстати. Попал туда Федя случайно, т.е. потому, что храбрый майор, которому военкомат доверил Федино будущее, был близорук и не носил очков. Майор считал себя мужчиной хоть куда, а потому гнал всякую мысль о том, что у него стало пошаливать зрение. Когда строки расплывались перед его глазами, майор говорил себе, что устал, и шел домой. Дома тоже кое-что замечали. Он же не желал замечать ничего. Крепился до конца. Друзья и сослуживцы видели, как он отчаянно отмахивался от близорукости, и старались не ловить его на ошибках.

Именно этот майор отправил Горкина не в благодатное южное Приволжье и не затем, чтобы учиться управлять бэтээром, как собирался. А услал он Федю в противоположную сторону, туда, где сосновые леса и исполинские папоротники, под город Ресков и те же бэтээры ремонтировать. Случилось так потому, что попался в лапы к военкомату некий Гонкин, прежде трудившийся у нас на трактороремонтном заводе. Куда его девали, не берусь сказать, а вот Федю на два года переселили в Ресковскую мотострелковую дивизию.

Во главе этой дивизии стоял человек настолько неправдоподобный, что даже говорить о нем стеснялись и вспоминать избегали. Дело в том, что в России, которую четвертый год реформировали, вера в реальность генерал-майора Дохлина отдавала просто неприличной наивностью.

Дохлин Григорий Фомич не знал и не желал знать, что армия, которой он служит, вступает в эпоху хронического дефицита и хронической непопулярности. Для Григория Фомича пустым звуком были и военная реформа, и вывод советских войск, и сокращение вооружений, и даже его собственные препирательства с Министерством обороны из-за вопросов и сумм, которые год от года делались все смехотворнее. Любой здравомыслящий человек на его месте сделал бы вывод о том, что армии приходит кирдык. Григорий Фомич смотрел на дело совершенно иначе.

Когда-то Гриша Дохлин приехал в Ресков, надел форму рядового и принес присягу Советскому Союзу. С тех пор он сменил много мест службы. Страна, которой он присягал, исчезла. Сама дивизия переформировалась, утратив и прежний номер, и прежний состав и даже прежнее стратегическое значение.

Для Григория Фомича все осталось, как было.

Для него дивизия была лицом, которым повернулась к нему военная служба тридцать лет назад. Это лицо очаровало его на всю оставшуюся жизнь. И хотя за эти годы он перевидел много всяких других ее лиц, это лицо, единственное и любимое, всегда заслоняло их все. И Григорий Фомич положил жизнь на то, чтобы хранить его.

Соответственно этому он и действовал.

Демократия между тем крепчала. Начавшись с легкого бриза, доносившего аромат дальних стран, она постепенно набрала нешуточную силу. Теперь это был ветер, который пусть и не выворачивал вековые деревья с корнем, но пальто с граждан рвал уже вполне уверенно. И многие офицеры делали, вероятно, правильный вывод, что в наступивших условиях полноценные боевые учения бессмысленны. Соответственно, они либо саботировали эти учения годами, либо переключались на дела, которым демократические веяния были не помеха. Что касается Григория Фомича, то он был все равно что утес, который не сдвинуть никаким ветром. Свою твердокаменность он стремился передать и вверенной ему дивизии.

Круглый год Григорий Фомич вертелся в своей части, как белка в колесе. И разъезжались от него по России храбрые ребята, которые не только разносили весть, что не вся еще российская армия превратилась в ад крошечный, но и способны были дать в зубы любому, кто считает иначе. Чем они и занимались в первые месяцы своей жизни на гражданке.

Увы, их действия никого не убеждали, а если и убеждали – то только в прямо противоположном тому, что brave ребята стремились доказать.

Но все же – в Ресковской дивизии было на что посмотреть, чему послужить и чему поучиться. Однако ничего этого Горкин Федя не успел сделать. Видно, его военной службе, начавшейся с бестолковщины в военкомате, было суждено столь же бестолковое будущее. Здесь даже не успели разобраться, что Федя, противно своим рекомендациям, никудышный техник. 10 декабря он прибыл, 11-го его размещали, а 12-го принято было решение, что он покинет часть. Что и произошло три дня спустя.

Именно 12 декабря в штабе у Григория Фомича было назначено совещание с офицерами. Офицеры давно сидели, готовые совещаться и выполнять приказы, а Григория Фомича все не было. Когда же он появился, офицерам с первого взгляда померещилось, что они не узнают своего командира.

Постороннему человеку трудно было бы понять, в чем затруднение. Григорий Фомич был решительно тот же, каким офицеры его всегда и видели. Он весь был тут – до последнего грамма своего коренастого тела, до последнего волоска мелко вьющейся шевелюры, до последней морщинки на длинном, губастом и лобастом лице. И всё-таки Григория Фомича в этот раз было не узнать. Смотрел он на своих офицеров чужими глазами.

Григорий Фомич поздоровался. Прошел и сел на свое место. Положил правую руку на стол. Развернул ее и явил глазам офицеров зажатую в руке бумажку. Которую зачитал.

Это была шифрограмма из Генерального штаба. Она предписывала Григорию Фомичу:

1) выделить полк либо сформировать соответствующее ему по численности сводное подразделение,

2) экипировать

и

3) в течение трех суток отправить в Северокавказский военный округ.

Также шифрограмма сообщала, что затевается все это в рамках операции по восстановлению конституционного порядка в Чеченской республике.

Услышав это, офицеры переглянулись вторично. И увидели в глазах друг друга тот же чужой взгляд, что и у Григория Фомича. Прошло секунд десять, а все молчали.

На дворе декабрь и 1994 год. Декабрь означает, что холодно и затевать войну не самое время. А декабрь в 94-м году – он и того неудачнее. Потому что половину этого года (а также большую часть 92-го и 93-го) российское правительство пыталось провести с Чеченской республикой переговоры о том, что она (республика то есть) является российским субъектом. До этого республика вроде как объявила себя независимой, а российское правительство вроде как пропустило это мимо ушей.

Однако независимость республики очень скоро обернулась беспределом и бесправием для половины ее населения. Поскольку у всех бесправных были российские паспорта, к российскому правительству они и возопили. Но то ли правительство не слишком усердствовало, то ли у республики были дела поважнее... в общем, переговоры между ними третий год шли ни шатко ни валко. Знающие люди, впрочем, утверждали, что эти две причины суть одна и дело тут вот в чем.

Республику, объявившую себя независимой, возглавили некие шустрые товарищи. За главного у них был генерал-президент Дудаев. Эти шустрые товарищи не то торговали, не то посредничали, не то служили подставными лицами в сделках, которые тогда модно было называть «экономическими преступлениями». А проще сказать – шустрые товарищи продавали российское оружие, бриллианты, сталь и нефть всем желающим. Продавали они также и наркотики, только трудно сказать чьи, потому что у продавцов в большом почете была семейная солидарность и мужская дружба. Баснословные барыши делились без шума и к полному взаимному удовольствию. Но это только что касается наркотиков. А вот с российскими бриллиан-

тами и золотом, с нефтью и оружием было несколько сложнее. Проблема была в том, что даже в 1991 году все это нельзя было без спросу. То есть без ведома российского правительства.

Что касается российского правительства, то оно в 1991 году состояло из самых разных людей, и некоторые из них шли навстречу шустрым дудаевцам. И не просто пошли, а активно инициировали сделки и при дележке не забывали, что они тут главные. Но, видно, настоящей мужской дружбы у дудаевцев с российским правительством не вышло. Именно поэтому правительство время от времени артачилося и погромче объявляло о том, что Чеченская республика – неотъемлемый субъект Российской Федерации, а любая самодеятельность на эту тему – просто плевок в лицо Российской Конституции и потому будет наказана соответствующе.

До конца 1994 года Конституция смиренно умывалась плевками. Знающие люди заключали, что шустрым дудаевцам и российскому правительству удавалось-таки поладить. А потом будто сорвало резьбу и все пошло наперекосяк. То ли правительство сообразило, как можно вести дела без Дудаева, то ли дали маху сами дудаевцы. Признаться, это остается неясным до сих пор. Правительство опять впало в праведный гнев и опять вспомнило про Конституцию. Опять переговорщики зачастили в Чечню к Дудаеву в надежде разобраться, кто он такой и Россия там у него или уже нет. Тут же в Чечне объявилась антидудаевская оппозиция, которая стала против Дудаева воевать. И дела у нее шли до того неплохо – даже Грозный довелось поштурмовать, – что российское правительство понадеялось и безо всяких переговоров Конституцию улагодворить.

Однако надеялось оно недолго. Оппозицию дудаевцы разогнали, набрали пленных, и тут-то началось самое неприятное. Пленные оказались военнослужащими российской армии! То есть не все поголовно, конечно, а сколько-то десятков, но зато наделали такого шума, что про остальных пленных и знать никто не хотел. Тут уже российскому правительству пришлось несладко. Только тот его не ругал, кто над ним смеялся. Впрочем, правительству это было бы еще ничего, да только и ругань и насмешки велись в том ракурсе, будто оно, правительство, вовсе не демократичное. А для российского правительства в 1994 году это была самая большая тема. Очень много для бюджета значили займы у государств, которые и себя считали демократичными и от всех, с кем общались, требовали того же самого.

Правительство остервенилось и тоже потребовало от Дудаева положить конец безобразиям, позорящим российскую демократию. Но какой тут конец, когда для Дудаева это только начало, и душа у него поет – то ли еще будет! В общем, российское правительство махнуло рукой на переговоры и собрало секретное совещание Совета Безопасности. На нем было решено, что победителя не судят даже в демократическом мире, а потому надо с Дудаевым кончать быстро и жестко.

Результатом этого совещания и была полученная Григорием Фомичом шифрограмма. Точно такие же приказы улетели и во многие другие войсковые части бывшей советской армии.

За те три года, пока российское правительство определялось со своей политикой на Кавказе, Чеченская республика одичала просто пугающе. Выражалось это в том, что она словно бы не существовала ни для МВД, ни для Минюста, да и для многих других полезных российских структур. Словно это была не Россия, а ее десятипроцентный раствор в какой-то до того гадкой жидкости, что не хотелось к ней и прикасаться. Соответственно, все проблемы, от расследования преступлений до изоляции уголовников, которые в остальной России худо-бедно решались сотрудниками этих ведомств, здесь были пущены на самотек. Одно только Министерство финансов не отчаивалось вернуть дикую республику к цивилизации. С этой целью оно посылало туда все причитающееся финансирование – впрочем, не то чтобы регулярно, а ровным счетом так же, как и в остальные места. Тот факт, что это финансирование каждый раз мгновенно разворовывалось, не останавливал сердобольное министерство.

Да, министерство не обижалось, но российские граждане стали посматривать на одичавшую республику косо. Впрочем, будем справедливы – большую часть граждан судьба респуб-

лики не волновала, потому что они были слишком озабочены своей собственной. Это, конечно, пахивает эгоизмом, но если вспомнить, что речь идет про 1991, 1992 и 1993 годы, то осудить российских граждан просто язык не повернется. Да, конечно, каждый из них при слове «Чечня» вспоминал о чем-то тягостном и неприятном, но только ближайшие соседи республики основательно разбирались в ее проблемах. Опять-таки будем справедливы – происходило это не от усиленного гражданского самосознания, а от ощущения, будто они живут бок о бок с огромной и страшной тюрьмой, которую почему-то забыли запереть.

У бывших советских военнослужащих был еще свой собственный повод недолюбливать дикую республику. Крепко им засело в голову то, как три года назад их сослуживцы уходили из Чечни. Уходили, следуя странному приказу оставить на ее территории все боеприпасы, все оружие и всю материально-техническую часть. Как забыть, что такого не было даже в Казахстане и Эстонии? Ну ладно, космодромы и военные городки на грузовиках не увезешь. Но оттуда угнали хотя бы сами грузовики! Из Чечни офицеры не смогли вывезти не то что грузовики, но даже свои документы. Что касается оружия, у них отбирали даже именное. Что касается боеприпасов, нельзя было даже отсыпать патронов в карман. Все это осталось там, щедро разложенное под привольным чеченским небом.

Да что грузовики! То было три года назад. А вот что было совсем недавно, на позапрошлой неделе. Именно тогда выяснилось, что Дудаев, отбиваясь от своей оппозиции, почему-то набрал в плен 70 российских офицеров из подмосковных войск. И наивная мировая пресса стала наседать на российское правительство, требуя объяснений: как же эти офицеры очутились у Дудаева, если воевал он вовсе не с ними, а с неподконтрольным ему населением Чеченской республики? Но только не на тех напали! Где мировая пресса села, там и слезла. Российское правительство не только ничего ей не объяснило – оно даже между собой не договорилось, все ли офицеры у него на месте. Чуть ли не в один и тот же день один и тот же министр сначала заявил, что для вызволения пленных делается все возможное, а потом совершенно невинно поинтересовался – а что, эти офицеры и в самом деле пропали с мест своей службы?.. Дудаев потребовал, чтобы российское правительство признало своих офицеров, а заодно и тот факт, что оно (правительство) – империалистическое и двуличное. Российское правительство возмутилось, но бестолковиться не перестало. Дудаев поразмыслил и стал сбывать бесхозных офицеров российским и зарубежным миротворцам. Те брали с удовольствием и везли добычу в Москву, до небес превознося дудаевскую щедрость. Демократический ореол вокруг шустрого Дудаева рос и богател в спектре. Демократический рейтинг миротворцев тоже обрастал приятным жирком. Российское правительство усиленно делало вид, что оно выше всего этого идиотизма. Григорий Фомич Дохлин учился краснеть перед своими офицерами.

Вот и теперь он сидел перед ними как оплеванный. Не он превратил их сослуживцев в ничейных шутов на глазах у всего мира. Не он их вынудил стыдиться своей армии и своего командования. Но он отдавал им приказы. И получал их сам.

Сегодня надо было приказать им как ни в чем не бывало отправлять своих солдат в Чечню. Кому-то ехать самому. И там своей кровью, своей жизнью послужить... нет, уже не Советскому Союзу. И пока что не России. Российской Конституции. Брошюрке в 50 листов, которую год назад предъявили российским гражданам в качестве верховного закона. Да, а уж как ее сочиняли... ах, лучше и не вспоминать.

Хватит!

На столе приказ.

Вот о чем офицерам следует говорить и помнить.

Из прежних четырех полков дивизии в строгом смысле полком можно было назвать только один, первый. Как ни упирался Григорий Фомич, но даже ему было не под силу укомплектовать свою часть полностью, когда сверху и снизу все сокращалось. Два оставшихся полка с трудом тянули на батальоны, а танковый хотя и был укомплектован людьми, как, впрочем, и

техникой, зато пригодных машин можно было собрать едва ли на роту. Предстояло выбрать, кого посылать.

Положение осложнялось еще и тем, что как раз в это время свежие призывники сменили дембелей. Итак, из этих желторотиков и предстояло соорудить «полк либо равное ему численностью сводное подразделение».

Офицеры перебрали в уме свое хозяйство, и каждый про себя помянул авторов шифрограммы по матери. Нашли время! Нашли сроки! Выполнить приказ можно было двумя способами, и один был хуже другого. Нужно было собрать желторотиков в кучу и либо послать ее на Кавказ, либо оставить на месте, сделав вид, что это и есть Ресковская дивизия. По первому варианту будут большие проблемы у уехавших, а по второму – у оставшихся.

На все это три дня, кстати.

В эти три дня сводное подразделение и было сформировано. Тогда, 12 декабря офицеры, придя в себя, стали горячо спорить, как это дело повернуть. Было решено оставить у себя по максимуму молодняк, а отправить в Чечню всех более-менее квалифицированных.

Надо ли уточнять, что в такой кутерьме Федины документы угодили именно во вторую стопку.

Глава 2. За холмами порубежными

Хмурым декабрьским днем 900 ресковских мотострелков, и с ними Федя Горкин, добрались до аэродрома в Моздоке. Назначенный ими командовать подполковник Сеницын объявил построение.

Солдаты вытянулись в строй, недоуменно оглядываясь кругом себя.

Конечно же, сейчас декабрь. Никто и не ждал, что здесь тропики. Но, Боже мой, ведь их как-никак привезли не в тундру, а на Кавказ! Где же его пышные горы, закутанные в леса, гостеприимное море, низкое жаркое небо?

Здесь должно быть море. Нет, земля, на которой они стояли, никогда не касалась моря, иначе она бы ни за что не осталась такой убогой.

Здесь должны быть горы. Нет, никаких гор не может быть под таким мутным, белесым, невзрачным небом.

Здесь должны быть леса и сады. Но разве что-то может вырасти из этой жирной серо-желтой грязи, на таком пронзительном ветру, в этом пустом, лишенном солнечного сияния воздухе? На аэродроме царил жуткий холод. И только вблизи взлетных площадок, раскаленных от непрерывных посадок и взлетов, чувствовался слабый намек на тепло.

Не прибавлял энтузиазма и внешний вид аэродрома. Чуть ли не все обозримое пространство – а его на любой аэродроме немало – было загромождено людьми и техникой. И все кругом, кроме кучки приземистых строений, непрерывно двигалось и перемешивалось. Вот, наверное, откуда пошло выражение «заваруха»...

Подполковник Сеницын был, пожалуй, единственным из ресковцев, кто не расстроился от непрезентабельности Моздока и Чеченской республики. Некогда ему было огорчаться такими вещами, поскольку у него по самое горло было других, более внятных проблем. Ему надо было разбить свое «сводное подразделение» на подразделения помельче, которые могли бы самостоятельными единицами влиться куда им скажут. Больше всего Сеницына беспокоило то, что этот приказ был единственной информацией, которую до него донесли.

Но приказ есть приказ. Переформироваться значит переформироваться. Сеницын переформировался. Не без труда покончив с этой задачей, он крикнул:

– Не разбредаться, через полчаса посадка. Воль...

И тут у него за спиной возник некто. Этот некто его перебил:

– Разрешите представиться. Капитан 17 роты десантников Растаковского полка Барышев.

Сеницын обернулся. Перед ним стоял запыхавшийся человек в бушлате без знаков отличия. Сеницын назвал себя и свою часть.

Назвавший себя Барышевым не то отдал честь, не то потер висок. После чего заявил:

– Мне поручено доукомплектоваться вашими людьми. Вот приказ.

– Что за... – пробормотал Сеницын. Поколебавшись, он убрал свою планшетку под мышку, и тут же ему вручили измятые ветром бумаги. Они кувыркалились меж пальцев, словно буйно помешанные, не давая себя прочесть.

Наконец, ему удалось растянуть бумажки за углы, и он разобрал первый абзац. Не читая дальше, подполковник вернул их Барышеву.

– Не туда разлетелся, браток. Мы мотострелковые. Дождись своих и комплектуйся сколько влезет, – и наконец, улыбнулся Сеницын, даже от сердца отлегло.

Вот ведь, оказывается, какой бывает у людей бардак. А он-то беспокоится из-за своих пустяков. Подумаешь, приказы запаздывают...

А Барышев словно и не слышал. Щурился от ветра и продолжал гнуть свое.

– Десантников на аэродроме сейчас нет, и, когда подвезут, неизвестно. А мне уже надо ехать. Так что гони десять своих, от кого тебе меньше толку.

– Ты... офонарел? – вырвалось у Сеницына. Конечно же, вырвались не совсем эти слова, а другие, покрепче, но смысл был такой. – Если тебе все равно кого набрать, отлови кого из местных и езжай. Не дам людей!

– Слушай, ты... – и десантник тоже подсыпал непечатных слов, – у меня сказано: за счет любых наличных подразделений. Твое и есть наличное. Не твоя забота, кто мне достанется. Твоих только-то и дел, что сдать и расписаться.

– Ты мне на мои дела не указывай.

– Смотри, рапорт подам, – расвирепел десантник.

Сеницын послал его в другой раз.

Колонна мотострелков тем временем, следуя полуотданной команде «Вольно!», наполовину разошлась. С обеих ее концов отделялись солдаты и выходили из строя. И только середина, перед которой ругались два офицера, стояла на месте и пыталась их слушать сквозь ветер.

Барышев задумчиво поглядел на мотострелков, повернулся к Сеницыну и сказал ему почти в самое ухо:

– Зря ты так, подполковник.

Сеницын только брезгливо перекосячился. А Барышев ровно ничего не заметил.

– Зря. Я же не кому-то – себе людей прошу. И знай я, что мне их туда вести, не просил бы. Хоть приказ, хоть расприказ – ни за что бы не просил! Так ведь не идти нам туда. В резерве мы, на западе. Будем безопасность штаба обеспечивать. А тебе под Аргун. А ты знаешь, зачем мотострелков везут под Аргун?

Сеницын знал только одно – что он должен это прекратить. И в тоже время он не мог себя заставить прогнать Барышева. Он чувствовал, что этот человек, высочившийся из-под асфальта у него за спиной, неспроста стал на его пути. Сеницын вдруг стал надеяться, что этот капитан сейчас скажет что-то, чего не узнаешь от командования и ни от кого в мире, исключая разве что саму Госпожу Форуну.

Барышев посмеялся бы на славу, если б мог знать про эти мысли. Меньше всего он надеялся сойти за посланца судьбы. Он только видел, что нашел верный тон, что его наконец-то слушают, и спешил продолжить:

– Я тебе скажу зачем. Будешь имитировать основной удар. Простоите немного где скажут. Чеченцы вас всех до последнего автомата пересчитают. А потом в город поедете. Чтоб они подумали, что вас там много, что все серьезно, и на вас бы и сосредоточились. Тебе еще ничего не приказали? Прикажут. Зайти туда-то, продержаться столько-то. И выйти. А не выйдешь, хрен с тобой. – Тут Барышев опять ввернул непечатные слова и сплюнул. – Я знаю, что говорю, браток! Моего соседа туда отправили. Он пошел и попросил объяснить. Ему и объяснили.

Барышев замолчал и потянул к себе планшетку из-под локтя Сеницына. Планшетка поддалась легко, и Барышев едва не уронил ее в грязь. Он хотел ее развернуть, но какое-то неопределенное чувство заставило его заговорить вновь.

– Не хочешь верить мне – и не верь. А поверишь – хотя бы от десятка сопливцев беду отведешь.

И Барышев развернул отвоеванную планшетку.

– Давай по списку. Рядовые Басарев, Васнецов, Горкин, Дымов, Дятчин, Жиллов и вот эти двое, Ивановы. Восемь. Тогда еще Колесников и Половников. Беру их. Распишись мне, сам все оформлю.

Сеницын что-то черкнул не глядя. Барышев помолчал и, не дождавсь команды, командовал построение сам.

Колонна мало-помалу восстановилась. Дятчина в ней не нашлось. Барышев поматерился, махнул рукой и повел к себе девятерых оставшихся.

Так Федя стал десантником.

Глава 3. С Новым годом!

31 декабря 1994 года капитан Барышев со своими десантниками въезжал в город Грозный по холодной и безлюдной долине во главе мотострелкового полка. Настроение у капитана было препаршивое.

С самого начала этой, с позволения сказать, чеченской кампании он чувствовал себя круглым идиотом. За всю свою службу в ВДВ он не получал и не отдавал столько дурацких приказов.

С самого начала, как только он прибыл сюда, ему приказали разбиться на столько-то оперативных групп. Людей под эту затею не хватило. Тогда ему дали приказ доукомплектоваться и отправили в Моздок.

В Моздоке, на аэродроме, он побирался два дня. Первый же офицер, к которому он сунулся со своим приказом, обещал содействие. Отлучился куда-то что-то согласовать и исчез без следа, прихватив с собой всех своих солдатиков.

В следующей партии не нашлось офицера, чей ранг позволял бы отдать нужное распоряжение.

В третий раз его просто послали по матери.

В четвертый, пятый, шестой, седьмой и восьмой – тоже.

Тогда Барышев стал разыскивать телефон, чтобы доложить о своих трудностях. Найдя телефон, он стал разыскивать того, кто ему этот приказ отдал. Перезвонив невероятное количество раз, он получил новый приказ, которого так добивался. Выслушав его, капитан понял, что мир вокруг рушиться.

– Ввиду того, что ваше подразделение для активных боевых действий не предназначено, разрешаю набрать в других родах войск, – сказали ему в телефонной трубке.

Ему, капитану ВДВ, голубому берету, велят набирать своих десантников с бору по сосенке!

Капитан Барышев набрал их и привез в свой штаб.

Следующие два дня он приказов не получал.

На третий день он получил приказ, который на четвертый день отменили.

На пятый он получил приказ, который отменили через два с половиной часа.

На шестой день Барышеву была поставлена задача. Нужно было организовать подкрепление для танковой роты, которая будет сторожить некий объект.

На седьмой день рота прибыла в виде одного-единственного танка. Доложив о своем прибытии, танкисты немедленно получили другой, новый приказ, и сразу же уехали вместе с танком. Не успел Барышев этим возмутиться, как его самого открепили от штаба и прикрепили к ближайшему полку мотострелков в качестве разведроты. Пополнившийся полк стал потихоньку подбираться к Грозному. 29-го декабря стояли на Октябрьской дороге, 30-го ночевали в Старом Поселке. А сегодня с утра пораньше выехали сюда.

Выехали ресковские десантники в полном составе, включая моздокское благоприобретение Барышева. Которое, по дальновидному замыслу командования, ни в коем случае не предназначалось для активных боевых действий.

И вот теперь, сидя на головном бэтээре колонны, Барышев хмуро оглядывал город, который, казалось капитану, он уже всей душой ненавидит.

«Но ведь не мог же я, не мог, – повторял он вновь и вновь про себя, – не мог я кинуть их при бывшем штабе. Это ведь все равно, как если б они сами дезертировали. Не мог, а что мог?»

Отправить их назад? А где это «назад»?

Куда, на каком транспорте и с кем они бы уехали, в который раз спрашивал себя капитан. Может, их прежняя часть тоже переформирована уже так, что родная мама не узнает. А

главное, когда он этим должен был заняться? Ему не дали даже времени раздобыть на всех промедол, и пришлось всеми правдами и неправдами запастись уже в дороге.

«И почему этот чертов подпол их со мной отпустил? Почему с этой чертовой Чечней столько проблем? Почему у нас все всегда идет через задницу?»

Своих новых подчиненных Барышев по одному рассадил на бэтээры. Если не дай Бог что, на каждого из этих сопляков придется по несколько ребят более-менее, тьфу, тьфу, не сглазить. Пока его группа вынуждена была бездельничать при штабе, капитан попытался провести экспресс-обучение для своих новобранцев. Теперь он вспоминал, какие из них бойцы, и ему самому хотелось их перестрелять.

Вот они и ехали наводить конституционный порядок в Грозном.

Федя попал на машину, которая ехала сразу за капитанской. Если бы не холод от брони, на которой он сидел, Федя ощущал бы полное умиротворение.

Вся чехарда с призывом, переброской на Кавказ, прибытием в Моздок и передачей Барышеву ошеломила его. События валились с такой скоростью, что напоминали ему невероятное и не очень ясное сновидение. Барышевские тренировки стали для него жестоким пробуждением. Он пережил эту непосильную для него встряску только благодаря твердой вере, что этот кошмар не может долго длиться. И точно: скоро его оставили в покое, а потом опять куда-то повезли.

Сейчас, сидя на броне, Федя наконец-то видел вокруг себя нормальный город с улицами. Пусть какой-то неуютный и безлюдный, но это был город, где живут люди, а не мерзлые поля и бараки. Федя вспомнил, что сегодня Новый год. Этот Новый год Феде предстояло встретить настолько необычно, что он невольно ждал, как в детстве, чудес и сюрпризов. Забывался чужой, нахмурившийся город. Десантники вокруг него, еще неделю назад такие чужие и страшные, теперь тоже казались праздничными. Видно, и у них в душе наступал Новый год. Ехали все тихо, погрузившись в свои мысли – а может, в мечты.

Грозный оказался совсем неинтересным, каким-то стертым и однообразным. Сменялись кварталы, но они были так похожи один на другой, что мерещилось, будто время стало и колонну кружит на месте. И какие здесь плоские и унылые улицы! Вот дорогу обступили многоэтажки. Вот справа вскипел островок голых деревьев. Вновь поворот, и дома опять повсюду. А город все равно глядит пустой, длинной, блеклой равниной.

Приближался вечер.

– Гляди... – перекликались десантники.

– Да, убогое местечко.

– Дыра... а название-то какое? Грозный, мать честная.

– Разговорчики, – окрикнули из сумерек начальнически.

Солдаты примолкли на мгновение. Заговорили вновь почти сразу же, но слух успел выхватить какую-то небывалую пустоту вокруг. Не было слышно людей – ни прохожих, ни своих с бэтээров.

– Однако стремно здесь. Где народ? От нас разбежался.

– Да, жутковато. Люди ушли, город остался.

– Ушли – нам же лучше, никого разгонять не придется.

– Ага, может, они сбежали про нас настучать. Идут, мол, встречайте.

– Кому настучать-то?

И солдаты притихли вновь.

Грозный молчал. В его молчании не ощущалось беды, но отчего-то оно грызло сердце. Молчание это не было ни сном, ни угрозой, ни затаившейся опасностью. Это было молчание того, кто уже... да, кому уже нет места среди живых. Так, должно быть, молчат призраки. Так молчат покойники, заgrimированные под живых. Эти дома, в которых могли двигаться люди, эти улицы, на которых могли звенеть трамваи, молчали с упорством смертника.

Грозный знал, что его уж нет. И еще он знал, что люди, которые сейчас по нему ползут, этого пока не знают.

Все изменилось в считанные секунды. Улица, которая миг назад равнодушно вилась, словно стылый змеиный труп, вдруг ожила и хлестнула по колонне машин огнем. Ужасом залило всех, кто не сумел умереть сразу, кто успел разглядеть происходящее. Солдаты скатывались с машин, гибли и спасались в полубезумном зверином порыве, не разбирая своих действий. Многим из них казалось, что хуже быть уже не может. Но некоторым было хуже. Это были те, кто раздавили свой ужас и сообразили, что происходит. Их в развернувшемся аду ждала своя казнь – гнев и отвращение.

Им – тем, кто успел прийти в себя, – привиделась смерть не просто мучительная и несправедливая, но также и невыносимо гадкая и грязная. Конечно, кто-то не готов был умереть немедленно и кто-то не готов был умереть в мучениях. Но ведь струйка бэтээров, в которую впился очнувшийся мертвец, была армией. А значит, это были люди, для которых проливать свою и чужую кровь было службой, работой. Вот им-то и предстояло страдать не от близости боли и смерти, а от осознания нестерпимой гадости происходящего.

Это был миг, когда растерянные мальчишки-срочники, и готовые к убийствам профессионалы одной сплошной душой застонали от того, что им предстояло.

Нет, не умереть им, как умирали на войне их деды. Не свалиться под лезвием, чистым и ясным, как молния. Не принять горячего поцелуя пули. Не упасть в теплую от ран землю.

Родное правительство кинуло их сюда, в огонь, смрад, холод и грязь, отказав в том, что испокон веков принадлежало российским солдатам. Не было у них за спиной земли, за которую вышли умирать. И не было перед глазами врага, за которым вина, достойная смерти.

Нет, им предстояло другое.

Те, кто знал – что же именно, – ждали этого в гневе и в бессилии.

Они знали, что шагнули туда, где исчезнет всякий смысл, а будут только отворенные брюшины и черепа, вывернутые наизнанку люди, опустевшие сапоги да мясные клочья, размазанные по жирной чеченской грязи. Здесь им предстояло жить и здесь же умереть.

Те, кто не поняли, куда попали, ждали беды безликой и неясной. Впрочем, ожидание это было напряженным, но не долгим. С каждой минутой прибавлялось трупов и исковерканных раненных. С каждой секундой уцелевшие все меньше нуждались в ликбезе.

Федя понял, что происходит, одним из последних. С бэтээра его столкнули, а до бетонного забора он добежал, кажется, сам. Кругом него, кувыркаясь и ползая, стреляли его бывшие соседи по машине. В первые минуты Феде страшно было и пошевелиться. Он был уверен, что стоит только двинуться – и он угодит под огонь своих. Потом бойцы стали перемещаться куда-то, и Федя, наконец расчехлив свой автомат, стал бояться, что промахнется и попадет в них. Из этой нерешительности его вывела ужасная мысль: солдаты куда-то уходят, даже раненные куда-то передвигаются, а он все лежит на месте, и вот-вот останется здесь один. И эта мысль была ужаснее страха схлопотать пулю или пристрелить кого-то ненароком. Федя зажмурился, потом открыл глаза и пополз вслед за десанниками.

Ему казалось, что стреляют отовсюду. Он никак не мог понять, откуда ведут огонь, и уж тем более не мог сообразить, как от него укрыться. Он только прижимался к десанникам. Те матерились и отталкивали его, а он даже не понимал, что они чего-то от него хотят.

Наконец, все забились в какой-то подвал. Откуда-то вдруг в нем загорелась электрическая лампочка. При ее свете Федя разглядел, что у многих солдат окровавлены уши, и в страхе схватился за свои собственные. Все было сухо.

Десантники рассыпались по подвалу. Другие стали в углу и принялись говорить о чем-то. Федя был поблизости, но в смысл их слов вникнуть не мог. Наконец, кучка в углу распалась. Кто-то вышел из ее центра и подошел к Феде.

Федя узнал Барышева.

Барышев был чумаз и грязен. Видно было, что он собрал своими боками всю грязь, какую нашел на пути сюда. На лице капитана к тому же засохла кровь, хотя ран не было видно.

Но грязный и потрепанный, Барышев показался Феде куда дружелюбнее и счастливее, чем он был до Грозного. Глаза капитана возбужденно сияли. Брови хмурились не зло и не безразлично, а сосредоточено. Всегдашнее его кислое выражение свалилось с лица, как маска.

– Живой? – склонился к Феде капитан. – А других с твоей партии не заметил?

И странное дело, Федя сейчас же отчетливо это вспомнил. С капитановой машины соскочил Макс Васнецов. Но он был около капитана, и тот должен был сам про него знать. А на машине за Федей ехал Саша Басарев. И он убежал вместе с десантниками, которые укрылись на противоположной стороне улицы.

Федя рассказал все это капитану. Тот посерьезнел.

– Молодец, – хлопнул он Федю по плечу и выпрямился, собираясь отойти.

Но капитан задержался и, обернувшись к Феде, кивнул ему на двух десантников:

– При них держись.

Федя подошел, ему дали кучу автоматных рожков и велели их заряжать. И Федя успокоился настолько, что стал гадать, откуда эти рожки взялись здесь в таком количестве.

Текли часы. Все было спокойно. Стрельба глухо доносилась издали. Десантники лежали и сидели, уходили из подвала и возвращались. Раз только они взревели и кинулись друг к другу обниматься. Один вояка сгреб в охапку Федю, который от него и узнал, что наступил Новый год. Потом все опять успокоилось. Барышев появлялся и опять куда-то убегал. На Федю он больше внимания не обращал, но Федя следил за ним и видел, что оживление капитана постепенно уступает место его всегдашнему недовольству.

Вдруг раздался взрыв где-то вверху, прямо над головой Феде. Все здание пошатнулось, и он испугался, что сейчас обрушится потолок. Люди вокруг него повскакивали на ноги и кинулись вон.

Федя выскочил вслед за всеми, схватив в охапку доверенные ему автоматы. Он думал, что снаружи глухая ночь, и очень удивился, застав утренние сумерки.

Грозный горел. Он еще сильнее побледнел под полосами летящего огня. Совсем убогими, стертymi и ненужными стали его улицы, стелились они низко и молчали приниженно. Грохот летел в Грозный со всех сторон. Валился с воздуха. Был фонтанами из каждой щели, куда только мог просочиться человек с оружием. Кувыркался эхом в еще спокойных кварталах. Слово чудовищные щупальца, оторвавшиеся от туловища, отдельные удары не замирали. Они врастались в серое тело города и начинали самостоятельную жизнь. Трещал огонь. Мусор затягивал асфальт, словно гигантская протоплазма, и шуршал словно бы сам по себе, даже когда его никто не трогал. А там, где смолкали выстрелы и крики, в тишине нудно змеился скрип разрушенной электропроводки. Именно эти звуки, да толпы двуногих фигур, да редкое пламя были реальностью. Дома же, прозрачные деревья, брошенный и разбитый транспорт – то, что было реальностью прежде – все было стерлось, все было бледно, словно сон смертельно уставшего человека.

Десантники огляделись и вмиг разобрали свои автоматы. Потом, откуда ни возьмись, перед Федей возник Барышев. Он велел парню идти за собою в трех метрах, держать оружие наготове и хорошенько глядеть по сторонам.

Они куда-то свернули и стали пробираться вдоль призрачных домов. Все было спокойно.

Вдруг дорога опять осветилась вспышками. Десантники брызнули в разные стороны. Федя тоже прыгнул к ближайшей стене. Падая, он так сильно ударился об нее плечом, что испугался, как бы не рухнуло его укрытие. Стена в самом деле дрогнула и стала валиться, погребая Федю под собой. Он потерял сознание.

Глава 4. Нос к носу с судьбой

Федя очнулся в полной темноте. Первой его мыслью было, что его задавило до смерти и поэтому он не чувствует тяжести, какая на нем навалена.

Затем Феде захотелось почесаться. Он почесался и обнаружил, что вовсе не придавлен, а лежит в небольшой пещере, закупоренной со всех сторон. Федя понял, что он замурован, что он скоро помрет без пищи и воздуха, и от ужаса лишился сознания.

Когда он вновь пришел в себя, в его пещерке посветлело. Стало быть, он все-таки помер, а светло потому, что он попал на тот свет. Правда, это предположение не показалось ему убедительным. Что-то было на том свете не так, что-то лишнее, что-то мешало. Федя осторожно вздохнул и попытался собраться с мыслями. Тут ему зверски захотелось в туалет, и он сразу сообразил, что это никакой не тот свет. Он оглянулся в поисках отверстия, надеясь выбраться через него наружу, и сразу обнаружил вторую вещь, которой на том свете тоже не место. А именно: до Феде донеслась приглушенная человеческая речь. Говорили непонятным языком.

Итак, он вовсе не помер. Все гораздо хуже. Он завален какой-то дрянью и, возможно, даже ранен. А позвать на помощь, и вылезти, и даже ощупать себя он не может. Потому что в двух шагах от него люди, которым надо его убить. И на много-много метров кругом – никого, кроме этих людей. А он не имеет представления, где он находится, как отсюда выбраться, и очень хочет в туалет.

Следующие полчаса показались Феде самыми ужасными в его жизни. Голоса давно стихли, а он все боялся себя обнаружить. И только когда терпеть стало невозможно, он, не помня себя, растолкал куски бетона, выскочил наружу, торопливо огляделся и одновременно облегчился.

Застегнув штаны, Федя огляделся вокруг повнимательнее и увидел рядом с собой трупы. Их было много.

Ближайший к Феде труп принадлежал капитану Барышеву. В этом не было никакого сомнения – несмотря на то, что капитан был без головы.

Следующий – тоже без головы. И за ним – тоже. А потом лежал труп с головой, но зато без ног и со вспоротым животом. Глаза на голове трупа были открыты. Федя не знал этого человека, но твердо помнил, что когда-то он тоже был десантником и командовал им капитан Барышев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.